

Л.Я. Шнейберг, И.В. Кондаков

«За гремучую доблесть грядущих веков...»

Окончательная редакция стихотворения «За гремучую доблесть грядущих веков...» не сразу далась Мандельштаму. Он работал над ним в марте 1931 и в конце 1935 года. Вначале он считал, что «это вроде романса и пробовал ввести поющего», превратившегося затем в собеседника, неотличимого от лирического «я». Формы повелительного наклонения «запихай», «уведи» обращены к собственной судьбе.

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей —
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей...

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе;
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе.

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

У Мандельштама, как и у других поэтов, выбор был небольшой: верность поэзии или вера в непогрешимость государства. Мандельштам выбрал поэзию. Отсюда и чувство обреченности: пролетарское государство, подобно «веку-волкодаву», бросается на истинную поэзию и на поэтов. Мандельштам поразительно точно предчувствует, что его ждет: «ночь, где течет Енисей» «шубы сибирских степей».

Герой поэта не хочет быть подобен веку. Пока это возможно, он противостоит жестокости, несправедливости, лжи. Гибель близка, однако он не хочет пассивно участвовать в расправе над самим собой: он требует равноправия в поединке. Он согласен на смерть, но при одном условии: смерть не должна застать его врасплох, накинуться сзади, как волкодав, он хочет погибнуть лицом к лицу с противником, как равный.